
Валентина Садыкова
«ХОЗЯИН»
«МЕРТВЫХ ТРОП»

Валентина Садыкова
«Хозяин мертвых троп»

https://litres.ru/74862763
SelfPub; 2026

Аннотация

Октябрь в глухой деревне Заречье всегда пахнет прелой листвой и сырым речным туманом. Но в эту осень из старого погоста потянуло могильным холодом и сладковатым запахом тлена.

По ночам из разрытых могил начали вставать те, кто не должен был вернуться. Они не чувствуют боли, не боятся свинца и идут вперед, ведомые слепым, звериным голодом. Когда телефонные провода оказываются оборваны, а единственная дорога отрезана, у горстки местных мужиков остается один выход: запереться в старом каменном складе и встретить ночь с топорами, керосином и осиновыми кольями в руках.

Но вскоре выжившие понимают: мертвецами кто-то управляет. И чтобы дожить до рассвета, им придется не просто держать оборону, а шагнуть в темную лесную чащу — туда, где прячется хозяин этого кошмара.

Валентина Садыкова
«Хозяин мертвых троп»

Октябрь в Заречье всегда пахнет одинаково: прелой березовой листвой, сырым речным туманом и дымом от бань, которые топят по субботам. Но в ту осень к привычным запахам примешался еще один — тяжелый, сладковатый, словно кто-то забыл в погребе мешок гнилой картошки и забыл закрыть дверь.

Первым это заметил дед Игнат, когда пошел проверять силки на опушке, аккурат за старым погостом. Вернулся он бледный, даже губы посинели, хотя морозов еще не было. Заперся в избе, задвинул тяжелый дубовый засов и до утра сидел у печи с двустволкой на коленях. А наутро по деревне пополз шепоток: на дальнем краю кладбища, где хоронили безродных да тех, кто сам на себя руки наложил, земля осела. И не просто осела — изнутри ее будто вывернули, раскидав комья мерзлой глины по жухлой траве.

В те времена в такие россказни мало кто верил. Время было новое, электричество провели, радио на столбе у сельсовета хрипело с утра до ночи. Председатель колхоза, мужик крепкий и прямой, как оглобля, только рукой махнул:

— Бродячие собаки роют. Или барсуки к зиме готовятся. Нечего бабьи сказки разводить, завтра на вывозку свеклы выходить.

Но на следующую ночь в крайней избе у речки выбили ставню. Не камнем, не топором — просто выдавили внутрь вместе с железными петлями, словно кто-то навалился всей тяжестью, не чувствуя ни боли, ни преграды. Хозяин избы, кузнец Матвей, мужик здоровый, подкову руками гнувший, успел схватить кочергу. Наутро его нашли в сенях. Он был жив, но седой как лунь, и твердил одно и то же, глядя в пустоту:

— У него глаза белые, как бельма... И не дышит он. Совсем не дышит, только хрипит, будто в горле вода булькает. А изо рта — кровь черная, густая, как деготь.

Деревня притихла. С наступлением сумерек улицы пустели. Занавешивали окна плотными одеялами, подпирали двери тяжелыми лавками. Старухи достали из сундуков почерневшие от времени иконы и пучки сушеной полыни, заткнули их за наличники. А те, кто помоложе, поняли: дело нечисто, и одними молитвами тут не отсидеться.

Собрались вчетвером в старой кузнице: сам Матвей, немного отошедший от испуга, его племянник Васька — парень отчаянный, вернувшийся недавно со службы, фельдшер Андрей Степанович и лесник Трофим, знавший в округе каждую тропу и каждую яму.

— Это не волки, — глухо сказал Трофим, раскуривая самокрутку. Руки у него не дрожали, но взгляд был тяжелый. — Зверь запах оставляет, след четкий. А тут — волоком будто кто шел. Ноги не поднимал, пятками землю пахал. И хо-

лодом от того следа тянет, как из ледника.

— Упыри, — тихо произнес фельдшер, протирая очки краем халата. — В старых книгах про такое писали. Встают те, кого похоронили неправильно, или кто при жизни злобой исходил. Ночью выходят, пока петухи не пропоют. Сила в них нечеловеческая, потому что тело боли не знает. Но и ума в них нет — один голод.

— Чем брать их? — коротко спросил Васька, передергивая затвор старого охотничьего карабина. — Свинец возьмет?

— Свинец только задержит, — покачал головой Трофим. — Кости перебьет — ползти будет. Огонь нужен. И осина. Не для красоты, а чтобы сердце пробить, остановить эту мертвую кровь, что их двигает. А лучше всего — до рассвета дотянуть и найти, где они днем лежат. Днем они слепые и слабые, как черви под камнем.

План был простой и страшный. Ждать в засаде у околицы, не дать им снова прорваться к жилым домам, а на рассвете пойти по следу до самого логова.

Ночь выдалась безлунная, густая, хоть глаз выколи. Только тусклый свет из-за плотно закрытых окон кое-где пробивался узкими полосками на грязь дороги. Они засели на сеновале заброшенного сарая, откуда хорошо просматривалась дорога от кладбища.

Первый показался около полуночи. Он шел не таясь, прямо по центру улицы. Высокий, сгорбленный, в истлевшем

пиджаке, из-под которого торчали серые, обтянутые пергаментной кожей ребра. Голова его моталась из стороны в сторону, принюхиваясь. За ним, метрах в десяти, тянулись еще двое — один без руки, волочивший за собой обрывок веревки, второй — низенький, коренастый, с неестественно вывернутой шеей.

Когда они поравнялись с сараем, Васька первым не выдержал — выстрелил. Грохот разорвал ночную тишину. Пуля ударила высокого в плечо, развернув его почти на месте, но тот даже не вскрикнул. Только медленно повернул голову в сторону сеновала, и в темноте тускло блеснули его мутные, ничего не видящие глаза. И тут же, с пугающей, дерганой скоростью, он бросился вперед.

Дальше все смешалось. Стрельба, треск ломаемых досок, тяжелое, хриплое дыхание мертвецов, от которого к горлу подступала тошнота. Они лезли напролом, не обращая внимания на удары топоров и выстрелы в упор. Низенький упырь вцепился Матвею в плечо, повалив кузнеца на землю, и только подоспевший Трофим сумел вогнать заостренный осиновый кол ему прямо между лопаток. Мертвец дернулся, издал долгий, свистящий звук, словно из пробитого мешка вышел воздух, и затих.

Второго, однорукого, удалось сбить с ног и прижать к земле тяжелыми вилами, пока Васька не раздробил ему череп обухом топора. А высокий, самый страшный, получив три пули, вдруг развернулся и с неожиданной прытью кинулся

прочь, в сторону оврага, растворившись в густом тумане.

До рассвета оставалось чуть больше часа. Никто не сказал ни слова — только тяжело дышали, перевязывая рваное плечо Матвея. Когда небо на востоке начало сереть, четверо мужчин молча пошли по темному, влажному следу, ведущему от деревни вглубь старого бурелома.

***

След обрывался у самого края Волчьего оврага, где земля была изрыта так, словно здесь всю ночь ворочался огромный зверь. Черная, густая жижа, заменявшая мертвецам кровь, въелась в прелую листву и пахла застоявшейся болотной тиной.

— Ушел, тварь, — сплюнул Трофим, вглядываясь в серый утренний туман, стелющийся по дну лощины. — И не один он там. Слышите?

Четверо мужчин замерли. Из глубины бурелома доносился тихий, ритмичный скрежет — словно десяток пар ногтей скребли по сырому дереву. По спине Васьки пробежал ледяной пот. Днем упыри должны были спать, прятаться в норах от света, но солнце еще не поднялось над верхушками сосен, и серая мгла давала им время.

— Назад нужно, — глухо сказал фельдшер Андрей Степанович, поправляя сползшую с плеча сумку. — Двух мы положили, но сколько их там еще? Если ночью выйдут всем скопом, мы вчетвером околицу не удержим.

Обратно в Заречье они шли быстрым шагом, постоянно

оглядываясь. Но едва вышли из лесу, как поняли — беда уже перекинулась на всю деревню. Над крайними избами поднимался черный дым, а у здания сельсовета толпился народ. Председатель, обычно красный и громогласный, стоял на крыльце белый как мел.

— Телефон не работает, — выкрикнул он, едва завидев их. — Провода оборваны за мостом! И трактор... Кто-то ночью спустил солярку и разбил аккумулятор. Мы отрезаны.

— Не «кто-то», а те, кто из земли встал, — мрачно ответил Матвей, прижимая к груди забинтованную руку. — Они не тупые звери, как мы думали. Тот, высокий, понял, что мы их ждем. Он умный, сука. Он нас в мешок запер.

План обороны пришлось строить на ходу. Времени до темноты оставалось меньше десяти часов. Выводить людей пешком через лес по раскисшей дороге было верным самоубийством — старики и дети не дойдут, а ночь застанет их прямо в чаще. Оставалось одно: превратить в крепость каменное здание старого колхозного склада на высоком берегу реки. Толстые кирпичные стены, узкие окна под самой крышей, тяжелые железные ворота.

Весь день деревня работала молча, с мрачным, звериным ожесточением. Мужики валили старые березы, заостряя стволы под колья и вкапывая их под углом перед воротами. Бабы таскали со дворов бочки с керосином, старые тряпки и мешки с солью — фельдшер велел засыпать ею все пороги, хотя сам в это верил слабо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.